

ДИАЛОГ

психологический и социально-педагогический журнал

Научно-методический журнал

Выходит с января 2013 г.
Периодичность — 1 раз в два месяца

№ 1 (48)
январь —
февраль
2018



Учредитель и издатель:
республиканское унитарное предприятие
«Издательство “Пачатковая школа”»

Директор, главный редактор издательства
ВАНИНА Ольга Владимировна

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1572 от 28.09.2012,
выдано Министерством информации Республики Беларусь

Главный редактор журнала
ПЕРГАМЕНЩИК Леонид Абрамович,
доктор психологических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Н. А. ЗАЛЫГИНА, заместитель главного редактора, кандидат социологических наук, доцент;
Н. Л. ПУЗЫРЕВИЧ, ответственный редактор, кандидат психологических наук;
Г. Ф. БЕДУЛИНА, кандидат социологических наук, доцент;
О. В. ВАНИНА;
С. И. КОПТЕВА, кандидат психологических наук, доцент;
Т. И. КРАСНОВА, кандидат психологических наук;
Г. М. КУЧИНСКИЙ, доктор психологических наук, профессор;
Т. А. ЛОПАТИК, доктор педагогических наук, профессор;
Л. Г. ЛЫСЮК, доктор психологических наук, профессор;
О. В. МАТЮХОВА;
А. П. ОРЛОВА, доктор педагогических наук, профессор;
А. А. ПОЛОННИКОВ, кандидат психологических наук, доцент;
Ю. Г. ФРОЛОВА, кандидат психологических наук, доцент

Редакционный совет:

А. И. ЗЕЛЕНКОВ, председатель, доктор философских наук, профессор;
А. Л. ВЕНГЕР, доктор психологических наук, профессор (РФ);
Н. Т. ЕРЧАК, доктор психологических наук, профессор;
Я. Л. КОЛОМИНСКИЙ, доктор психологических наук, профессор;
А. С. ЛАПТЁНОК, доктор философских наук;
П. МЕРИНГОЛО, профессор департамента психологии (Италия);
Р. С. СИДОРЕНКО, кандидат педагогических наук;
Е. С. СЛЕПОВИЧ, доктор психологических наук, профессор;
И. А. ФУРМАНОВ, доктор психологических наук, профессор;
Е. М. ЧЕРЕПАНОВА, доктор психологии (США);
В. А. ЯНЧУК, доктор психологических наук, профессор

Михаил Михайлович Бахтин

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР "НА СКОРИНЫ, 15" 19 ДЕКАБРЯ 2017 ГОДА

Очередное заседание методологического семинара «На Скорины, 15» 19 декабря 2017 года было посвящено творчеству М. М. Бахтина и его работе "К методологии гуманитарных наук".

Участники семинара:

Сергей Никифорович Жеребцов, заместитель директора Института психологии БГПУ по научной работе, кандидат психологических наук, доцент;

Татьяна Ивановна Краснова, доцент кафедры философии и методологии университетского образования РИВШ, кандидат психологических наук, доцент;

Александр Лозовский, аспирант кафедры психологии факультета философии и социальных наук БГУ;

Алла Викторовна Музыченко, заведующая кафедрой психологии образования Института психологии БГПУ, кандидат психологических наук, доцент;

Ольга Феликсовна Оришева, доцент кафедры общей и организационной психологии Института психологии БГПУ, кандидат философских наук, доцент;

Леонид Абрамович Пергаменщик, профессор кафедры социальной и семейной психологии Института психологии БГПУ, доктор психологических наук, профессор;

Татьяна Ивановна Сеница, доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук БГУ, кандидат психологических наук;



Валентина Ивановна Слепкова, доцент кафедры социальной и семейной психологии Института психологии БГПУ, кандидат психологических наук, доцент;

Татьяна Евгеньевна Черчес, доцент кафедры общей и организационной психологии Института психологии БГПУ, кандидат психологических наук, доцент.

Л. А. Пергаменщик.

На вопрос, почему М. М. Бахтин — герой сегодняшнего обсуждения, можно ответить словами из статьи К. Г. Исупова «Уроки М. М. Бахтина»: «Сейчас определенно можно сказать, что ни один отечественный мыслитель Серебряного века не привлекал к себе

столь масштабного внимания мировой гуманитарной общественности. М. М. Бахтин не просто «популярен» и «известен», как известны классики — писатели и философы XIX—XX вв. М. М. Бахтин — он всепланетное явление, герой-«трикстер» современной ноосферы. Его научная проза, переведенная на многие языки мира, стоит у истоков фундаментальных стратегий мысли XX века и существенным образом определяет контуры диалогической философии, нужду в которой заявило третье тысячелетие».

Михаил Михайлович Бахтин родился в Орле в многодетной семье банковского служащего. Вместе с семьей жил в Вильне (ныне Вильнюс) и Одессе, затем учился в Петроградском и Новороссийском университетах (документальных подтверждений нет). С 1920 года жил в Витебске, где преподавал в пединституте и консерватории, выступал с публичными лекциями по философии, эстетике, литературе.

В 1924 году по приглашению ранее приехавшего туда Павла Николаевича Медведева (русский теоретик и историк литературы, критик, литературовед, профессор Санкт-Петербургского университета) вернулся в Ленинград. В круге Бахтина (М. В. Юдина, П. Н. Медведев, В. Н. Волошинов, Л. В. Пумпянский, И. И. Соллертинский, И. И. Канаев, К. К. Вагинов, М. И. Тубянский) продолжались домашние диспуты и семинары, посвященные философии, религии, этике, литературе, обсуждалась теория психоанализа З. Фрейда. В декабре 1928 года Бахтин вместе с рядом других ленинградских интеллигентов был арестован в связи с деятельностью группы А. А. Мейера («Воскресение»). 5 января 1929 года Бахтин по болезни (множественный остеомиелит) был освобожден из заключения под домашний

арест, а потом заочно, когда находился в больнице, был приговорен к пяти годам Соловецкого лагеря, но, благодаря хлопотам жены и друзей, приговор был заменен на 5 лет ссылки в Кустанай. После окончания ссылки в 1936 году из-за запрета проживать в крупных городах Бахтин устроился на работу в Мордовский государственный педагогический институт в Саранске, однако был вынужден уехать оттуда в 1937 году и до 1945 года жил на станции Савелово в Калининской области, где работал учителем в школе № 14. В 1938 году из-за остеомиелита ему ампутировали правую ногу.

15 ноября 1946 года в Москве в Институте мировой литературы Бахтин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Рабле в истории реализма» и получил степень кандидата наук, но диплом получил только в 1952 году. В том же году он вернулся в Саранск, где снова работал на кафедре всеобщей литературы Мордовского государственного педагогического института по 1961 год.

Практически забытый современниками (между 1930 и 1963 годами не печатался) Бахтин вернулся в научное пространство СССР в 1960-е годы благодаря помощи единомышленников, признавших его своим учителем (в 1960 году он получил коллективное письмо от литературоведов — ученых Института мировой литературы).

В 1969 году он переехал из Саранска в Москву. В 1960—1970-х годах статьи Бахтина были напечатаны в изданиях ИМЛИ: журнале «Вопросы литературы» и сборнике «Контекст». Ему удалось издать свою книгу о Рабле, переиздать книгу о Достоевском (фактически сделать новую редакцию), подготовить сборник статей о литературе «Вопросы литературы и эстетики. Исследования

разных лет» (вышедший вскоре после смерти автора).

Основные работы Бахтина вскоре были переведены и получили очень широкую известность на Западе. В Англии при Шеффилдском университете существует Бахтинский центр, ведущий научную и учебную работу. Особую популярность творчество Бахтина приобрело во Франции, большой известностью пользуется Бахтин и в Японии, где вышло первое в мире собрание его сочинений, а также издано большое число монографий и работ о нем.

М. М. Бахтин был «некоронованным королем» культуры в 60—70-е годы. Но философское, как и психологическое осмысление идей М. М. Бахтина, по существу, так и не произошло. Оно различными небольшими порциями было проведено в философии больше, в психологии — только отчасти. В чем тут дело? Сама биография М. М. Бахтина не была такой, чтобы можно было без оглядки брать на вооружение его идеи, его тексты не были просты для понимания и были изложены примерно с такой же сложностью, как лекции М. Мамардашвили.

И еще один аргумент для сегодняшнего диспута. Психология для своего развития требует фундамент, который существует в культуре. В списке отечественных представителей культуры — М. М. Бахтин, В. Пропп, М. Мамардашвили, С. С. Аверинцев, Ю. Лотман, В. Иванов, его можно, наверно, продолжить, но эти фамилии из первого десятка.

Взгляд Геннадия Михайловича Кучинского, много работавшего с наследием ученого, на М. М. Бахтина (из статьи «М. М. Бахтин и феноменологический метод исследования личности»): «Можно ли назвать исследователя, сопоставимого по уровню методологической

компетентности (с Выготским Л. С.), который имел бы достаточно очевидное отношение к рассматриваемым методологическим проблемам и в то же время был бы сторонником феноменологического направления? Нам представляется, что таким исследователем является М. М. Бахтин».

Тезисы для обсуждения.

Тезис 1. Ответственность. Через все исследования Бахтина проходят идеи об ответственности за свое единственное бытие в мире и культуре личности.

Философия должна исследовать жизнь как деятельность, как сплошное «поступление». Важнейшей задачей бахтинской философии стала проблема уничтожения «бездны между мотивом поступка и его продуктом». Он стремился ответить на вопросы: как сделать общезначимое моментом индивидуального «бытия-события»? Как «вменить» человеку ответственность? По трактовке Бахтина, долг каждого человека — признать свою «единственность» и претворить в жизнь ответственным поступком, которым должна стать жизнь каждого отдельного человека. Основное понятие своей философии — поступок — Бахтин трактует как результат ответственно воспринятого, а не навязанного извне, долженствования. С позиции «философии поступка» Бахтин решает и проблему ценности: не существует ценности, раз и навсегда данной, «общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте».

Тезис 2. «Предмет гуманитарных наук — выразительное и говорящее бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собой и поэтому неисчерпаемо в своем смысле и значении» (М. М. Бахтин).

Тезис 3. **Основная задача любого гуманитарного исследования заключается в понимании речи (текста) как объективации производящей культуры.**

В гуманитарных науках понимание проходит только через текст, через вопрошание к тексту, чтобы услышать то, что может только казаться, — намерения, основания, причины, цели, замыслы. Смыслы, переживания без текста мы изучить не можем. В психологии человек вообще недоступен напрямую. В биологии, физиологии, медицине это возможно. Это понимание смысла высказывания движется в модусе анализа речи или текста событий жизни. То есть его **подлинная сущность всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов. Это встреча двух. Текст — результат встречи двух.**

Здесь можно сослаться на Л. С. Выготского, который говорил о том, как возникает сознание человека и вообще человек, что является основой культурно-исторической теории. Текст оживает, только соприкасаясь с другим текстом. Только в точке этого контакта вспыхивает свет, озаряющий путь и назад, и вперед, преобразующий данный текст в диалог. Контакт — есть диалогическая связь между текстами, высказываниями, а не механический контакт оппозиции, возможный только в пределах одного текста. За этим контактом стоит контакт личностей, а не контакт вещей.

Тезис 4. **Монологическая и диалогическая форма знания.** Точные науки — это монологическая форма знания. Интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект — познающий, созерцающий и говорящий. Ему противостоит безголосая вещь. Любой объект знания, в том числе человек, может быть воспринят и познан как вещь, что нередко можно

видеть в научных исследованиях. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь. Ибо как субъект он не может оставаться безголосым. Следовательно, познание **личности должно быть диалогическим.**

Событийность диалогического познания, встреча, оценка как необходимый элемент диалогического познания. Что приводит к диалогизму? Последовательность: понимание — смысл — диалогическое рассмотрение. Диалогизм позволяет исследователю преодолеть догматизм, прямолинейность, обнаружить драматизм предстоящего исследования, состоящий, по С. Аверинцеву, во внутреннем споре исследователя с самим собой.

Именно такова исследовательская интенция М. М. Бахтина, который преодолевает номотетический взгляд на понятие хронотопа 30-х годов.

Это личностно-познавательное противоречие в случае М. М. Бахтина очевидно значимо как для культуры в целом, так и для психологии самой по себе, поскольку представляет собой обоснование формы знания, формы получения знания, объединяющей классическое и модернистское освоение научного творчества в гуманитарных науках.

Тезис 5. **Понимание. Понимание как соотнесение с другими текстами и переосмысление в новом контексте.** Предвосхищающий контекст будущего, ощущение, что я делаю новый шаг, сдвинулся с места.

Этапы диалогического движения понимания: исходная точка — данный текст, движение назад — прошлый контекст, движение вперед — предвосхищение и начало будущего контекста.

Тезис 6. **Точность и глубина в гуманитарных науках.** Пределом точности в естественных науках является

идентификация: $A = A$. В гуманитарных науках точность — это преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое, подмены всякого рода, модернизация, парадоксальная мысль. Наши ошибки нередко носят методологический характер, когда мы переводим человека в то знание, в те категории, с которыми работаем, и отказываемся от возможности другого взгляда на изучаемую личность.

Тезис 7. У человека в этом мире нет алиби. В чем заключается смысл этого тезиса? В том, что человек ничем не может оправдать свое безразличие, свою безучастность, безответственность. «Невозможно, — говорит М. М. Бахтин, — логически осмыслить жизнь конкретных людей, их понятия, их внутреннее содержание жизни, состояние, в котором они находятся в момент осуществления поступка. А мы человека можем понять только по поступкам».



Это событие (поступок) не может быть транскрибировано в теоретических терминах, то есть в «событие поступка», чтобы не потерять самого смысла своей событийности, того, что мы ответственно знаем и на что ориентируется поступок.

Тезис 8. Понятие «хронотоп». В психологию понятие «хронотоп» ввел А. Ухтомский. Статья А. А. Ждан, опубликованная в журнале «Диалог. Психологический и социально-педагогический журнал» (№ 5/2017), очень грамотно анализирует труды А. Ухтомского, на которые сегодня имеет смысл обратить внимание. Хронотоп включает специфические взаимоотношения в темпоральной и повествовательной оси текста и разработан как аналитический инструмент установления специфики повествования. Концепция хронотопа в настоящий момент интерпретируется как механизм для исследовательского углубленного изучения разнообразных сфер нарратологии, теорий восприятия, когнитивных подходов к тексту, гендерных исследований. Понятие хронотопа использовал и Л. С. Выготский в своей теории, правда, не называя этот термин. Ведь культурно-историческая психология обращается к хронотопу и учитывает его. Без хронотопа невозможно заниматься психологией, так как при изучении человека мы не можем не учитывать время и место, в котором мы его фиксируем и изучаем.

Итак, выше было предложено несколько тезисов для обсуждения теоретических положений М. М. Бахтина, разбор которых позволит нам двигаться дальше.

Т. И. Сеница.

Работы М. М. Бахтина во многом определили мои научные поиски и жизненные выборы.

Я пришла учиться в БГУ на самый первый набор психологов. Г. М. Кучинский, который открыл это отделение психологии, был настроен очень серьезно и, я помню, очень расстроился, что среди поступивших был только один юноша — Алексей Поляков, а остальные, соответственно, девушки. На первой встрече Г. М. Кучинский не скрывал своего огорчения этим фактом и потом, на протяжении учебы, мы в какой-то степени все время боролись с этим мнением — доказывали, что поступили не зря. Именно на лекциях Геннадия Михайловича мы впервые услышали о М. М. Бахтине. Кучинский его очень любил и уважал, и после того, как он указал нам на работу Бахтина «Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского», первым делом я пошла в библиотеку и заказала именно эту книгу. Правда, тогда мало что понимала, хотя тексты Бахтина как-то «цепляли», как какое-то облако. Есть стихотворение Юнны Мориц, где последняя фраза такая: «...все, что стоит жизни, — очень облакато...». Так и все важное затягивает человека в такое смысловое пространство. И до сих пор у меня есть небольшой блокнотик, в который выписаны цитаты из этого произведения М. М. Бахтина. Второй шаг, когда я сознательно обратилась к работам М. М. Бахтина, был сделан при написании диссертации. Тема касалась понимания эмоций другого человека. И конечно, здесь М. М. Бахтин дал мне очень твердую почву для того, чтобы выработать собственную теоретическую позицию в вопросе научного изучения понимания эмоций другого человека. У меня до сих пор есть закладочки в его книге «Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук», основные идеи, которые зацепили, подчеркнуты. Но я не могу сказать, что буквально цитировала М. М. Бахтина абзацами — это невозможно. Его можно взять только

чуть-чуть, и потом его тексты «кушать», «смаковать», внимательно рассматривать, переживать, калибровать по этим текстам свое душевное и умственное состояние... Одна его фраза стоит очень многого. И до сих пор я время от времени обращаюсь к его работам, но не как к последовательному тексту, который я анализирую, а как к объемному образному посланию, и выделяю именно такое «облакато», смысловое, и тогда начинаю глубже задумываться над чем-то и, безусловно, для психологов это очень важно. И не только для психологов, для всех, кто связан с человеком, потому что человек — это тайна. Наверное, М. М. Бахтин вот такими своими очень своеобразными текстами эту тайну умеет сохранить.

Хочу зачитать вам предложение из его книги: «Судьба — форма упорядочивания смыслового прошлого». Все ли может человек создать в своей жизни, или есть неизбежная судьба, или есть диалог между этими вопросами? Как часто сегодня говорят «...возьми себя в руки», «...построй свою жизнь» и тому подобное... А, возможно, существует принятие своей судьбы и переживание ее со смыслом?

Я работаю в сфере оказания помощи детям с особенностями, и с такими детьми, которые болеют, все сложно. Но есть еще родители, для которых слово «судьба» — очень серьезное, потому что на их долю выпадает много переживаний и самообвинений в том, что они «что-то, наверное, такое сделали, что такая судьба не случайна» и т. д. Это сложная тема, где очень непросто смотреть и оценивать со стороны и судить с точки зрения каких-то внешних критериев, поскольку это не дает понимания того, что происходит в глубине, внутри.

Итак, «судьба — форма упорядочивания смыслового прошлого», то есть

М. М. Бахтин говорит, что человек движется по смыслам, а ведь смыслы — внутри человека, и вот их мы не знаем и не можем понять со стороны. И, пытаясь оценить человека, мы либо навязываем свои смыслы, либо опираемся не на смыслы, а на какие-то другие вещи. М. М. Бахтин пишет: «Судьба — это всесторонняя определенность бытия личности с необходимостью предопределяющая все события ее жизни; жизнь, таким образом, является лишь осуществлением (и исполнением) того, что с самого начала заложено в определенности бытия личности. Изнутри себя личность строит свою жизнь (мыслит, чувствует, поступает) по целям, осуществляя предметные и смысловые значимости, на которые направлена ее жизнь: поступает так потому, что так должно, правильно, нужно, желанно, хочется и прочее, а на самом деле, осуществляет лишь необходимость своей судьбы, то есть определенность своего бытия, своего лика в бытии...». Получается, что судьба — это некий художественный образ.

Возвращаясь к психологам: мы все ищем, что на что влияет, что от чего зависит, акцентируем внимание на родителях — на том, что и как у них складывалось. Наверное, эти влияния и взаимосвязи есть, но есть еще внутренние, непостижимые шаги к собственным целям, смыслам, а иногда желаниям, и, наверное, только к концу своей жизни мы будем видеть, как на самом деле складывалась эта судьба, такая уникальная и неповторимая. Причем, мне кажется, что после конца еще интереснее — это вопрос о том, кто во что верит. Ведь у нас нет абсолютного знания о том, что потом...

Подводя итог, хочется сказать, что М. М. Бахтин — это очень глубоко. Это такой автор, которого нужно читать не страницами, а небольшими смысловыми капсулами, наверное, так. Я для

себя так решила, я по-другому не могу: его текст — не последовательный, не причинно-следственный, он какой-то совсем другой. И я иногда задумаюсь: вот придумал человек что-то, а ты читаешь, но так тебя его глубокие мысли затягивают, куда-то эти мысли мне попадают и, вероятно, не мне одной, и ты понимаешь — в этом что-то есть...

Есть еще один нюанс, если чуть-чуть отойти от М. М. Бахтина и перейти к гуманитарным наукам. В гуманитарных науках, в отличие от технических, в силу того, что многое недоказуемо и как-то по смыслу, есть опасность прихода людей, которые создают видимость деятельности. Вот в технических науках, например, не работает механизм — все не работает, делай или не делай видимость — он не работает. А в гуманитарных намного сложнее. И вот эта видимость смыслов — самая опасная. Может быть, поэтому к гуманитарным наукам относятся иногда недоверчиво. И это уже задача тех, кто работает в этих областях: работать так, чтобы было очевидно, что в этом есть смысл. И, к сожалению, если у нас так относятся к гуманитарным наукам, значит, недоработали, значит, нужно как-то удерживать и отстаивать смыслы, показывать, где они действительно осуществляются. К сожалению, не всегда хватает смелости и четкости это сделать. Поэтому гуманитарное знание — это очень ответственно и трудно, здесь нужно прилагать усилия.

М. М. Бахтина трудно понимать, и это неспроста. Наверное, он тоже как-то отстаивал смыслы. Завершая свое выступление, я хочу сказать, что М. М. Бахтин в моей жизни, в моей судьбе — один из суперавторов, хотя я и не говорю, что я живу по М. М. Бахтину, зачитываюсь им. Нет. Это вот такие мысли-капсулы, смысловые «прививки». Во всяком случае, я считаю, что если моя диссертация получилась, то во многом

благодаря тому, что я обратилась к М. М. Бахтину.

В. И. Слепкова.

Мне кажется, что М. М. Бахтин не столько непоследовательный, сколько имеет свою, другую, нелинейную логику. Поэтому, исходя из своей логики, мы думаем про одно, а текст написан про другое. Понять его логику — значит понять Бахтина.

Л. А. Пергаменщик.

Если ты читаешь не учебник, не методическое пособие, а тексты Л. С. Выготского, М. Мамардашвили, М. Бахтина, то различить последовательную логику объяснения трудно. Л. С. Выготский, например, настолько разный, что если один Л. С. Выготский встретился бы с другим Л. С. Выготским, то они друг друга не узнали бы и не поняли. Почему так происходит? Почему такие ученые, как Л. С. Выготский, М. М. Бахтин, М. Мамардашвили трудны для понимания? Потому что они честно относятся к жизни, к человеку, не стараются понравиться. И поэтому, когда честный ученый начинает описывать человека, он понимает, как трудно его уловить, зафиксировать, поскольку человек никогда не совпадает с самим собой.

А. Лозовский.

У меня есть некоторые идеи по этому поводу. Суть в том, что М. М. Бахтин как автор писал тексты, смыслы которых не просто пространны, — его тексты переполнены смыслами, и, как отмечал сам М. М. Бахтин, его тексты живут в различных контекстах, то есть они диалогичны. Каждый раз, когда он использует какой-либо термин, для понимания мысли отдельного эпизода, параграфа, абзаца или страницы мы должны установить контекст, в котором этот термин используется. М. М. Бахтин крайне быстро переключается между

контекстами, если анализировать его тексты. Именно поэтому мы не всегда понимаем, что именно он хотел сказать. У него весьма всеобъемлющий стиль: сказать сразу обо всем. И читатель должен расшифровать контекст, чтобы понять, о чем конкретно. Что касается работы М. М. Бахтина «К методологии гуманитарных наук», которая была вынесена сегодня на обсуждение, то она, скорее, представляла собой черновик его идей, предназначенных для дальнейшего развития. Эта работа также показывает переключение между контекстами в рамках одной идейной линии, в рамках одной логики. Собственно поэтому и возникает ощущение сложности, ощущение множества смыслов, к которому можно прийти, читая этот текст и дополняя его самостоятельно из того контекста, из которого мы его видим. По правилам постмодернизма, мы достраиваем текст М. М. Бахтина тем контекстом, с которым подходим к этому тексту.

М. М. Бахтин как автор прожил долгую жизнь и был авторитетным неформальным ученым. В одно и то же время его точки зрения на один и тот же вопрос не только в рамках разных, но и в рамках одного контекста могли различаться. Как, впрочем, и в случае со многими деятелями гуманитарных наук. Так что вполне естественно, что он противоречит сам себе — как в разные времена, так и в разных контекстах. Бахтин наблюдает реальность, как он ее видит, с различных точек зрения, с различных фреймов и каждый из этих фреймов видит по-своему. Просто, возможно, он переключается между этими фреймами быстрее, чем мы можем заметить.

Л. А. Пергаменщик.

Вообще, М. М. Бахтин стоит на гуманитарной позиции, а Аверинцев утверждает, что это — инаучный взгляд. И мы, если хотим оставаться в рамках

науки психологии, должны понять, что у нас отличный от естественных наук взгляд на человека.

А. Лозовский.

У меня есть комментарий по этому поводу. Моя основная деятельность — дискурс-анализ, поэтому я отчасти тяготею к вопросам постмодернизма и контекста. Мне очень нравится работа М. М. Бахтина, несмотря на то, что, сколько бы я его ни читал, он остается для меня удивительно далеким. Каждый раз — и это общее ощущение от прочтения М. М. Бахтина у многих людей — что-то ускользает. Тексты М. М. Бахтина читаются по-разному в зависимости от состояния, в котором вы их читаете, от настроения, от контекста, в котором вы их рассматриваете. Раз уж мы заговорили о естественных и гуманитарных науках, читая М. М. Бахтина, я пришел к следующему выводу: естественные науки, в частности, технические, на практике по своей структуре проще, чем гуманитарные. Допустим, у нас есть некий физический феномен, вроде гравитации. Мы берем некое тело, например, яблоко, поднимаем его на определенную высоту, отпускаем его — и оно падает, потому что мы находимся на планете Земля. В любой точке у вас будет один и тот же фактор — скорость полета этого тела, сила гравитации. Это факторы, которые будут постоянными в одинаковых условиях. Мы можем воспроизвести их в лабораторных условиях. Этих факторов не слишком много — если сильно постараться, можно насчитать около 12 — вроде скорости ветра, наличия/отсутствия вращения в момент броска и т. д. Когда мы начинаем рассматривать психологический эксперимент, мы обнаруживаем около сотни факторов, которые повлияли на прохождение этого эксперимента в данный момент времени. Это касается и культурного фона,

то есть где и когда мы проводим эксперимент — в 50-е годы в США, или в Советском Союзе, или в какой-то другой стране — в зависимости от времени и культуры результаты эксперимента будут различаться. На проведение психологического эксперимента, несомненно, может влиять состояние самих испытуемых или экспериментатора, какие-то события, которые происходили недавно в политике (люди оказываются более или менее тревожными), в экономике и т. д. То есть на сам эксперимент, когда мы проводим его в рамках гуманитарного знания, оказывают влияние столько неучтенных факторов, что мы не сможем воспроизвести его во второй раз через какое-то время. Исследования в рамках естественных наук более стабильны, как говорит М. М. Бахтин, «тождественны сами себе». Это знание, тождественное самому себе в разных промежутках времени (яблоко будет падать на землю сегодня, через 5, 10 и 100 лет), какой-то вид, который мы изучаем в ботанике, будет существовать и сегодня, и через много лет — если мы его не уничтожим, он эволюционирует, но сохранится.

Человек, даже группа людей, которую мы исследуем сегодня, будет не тождественна сама себе не то что завтра, а уже сегодня вечером. Люди получают какую-нибудь новую информацию, которая изменит наполнение их психики. Люди не тождественны сами себе каждую секунду. Например, до того, как вы посмотрели выпуск новостей по телевизору или в Интернете, вы были не такими, как после его просмотра. В вас что-то изменилось, может быть, не сильно — возможно поменялось ваше эмоциональное состояние или вы узнали что-то новое и пересмотрели свои убеждения. Но даже это маленькое изменение влияет на всю структуру вашей личности, психики, и пусть слабо, совсем чуть-чуть, но меняет каждый

последующий эпизод вашей жизни. Чем дальше идут эти изменения, тем больше вы меняетесь как личность. Незаметно, очень долго, но значительно.

Вот почему гуманитарная наука, гуманитарное знание не тождественно самому себе, по М. М. Бахтину, и почему мы не сможем изучать их с помощью методов корреляционной науки. То есть почему те же самые эксперименты в психологии будут невалидными уже через 20—30 лет: меняется поколение, взгляд людей на некоторые вещи, культурный, экономический и политический фон. И то, что было валидно когда-то, станет абсолютно невалидно в ближайшем будущем. По крайней мере, в гуманитарном знании.

О. Ф. Оришева.

Если честно, я не очень люблю М. М. Бахтина. Я не совсем понимаю, зачем все время находиться в оппозиции объяснения и понимания. У меня возникает такое чувство, что объяснение — это плохо, а понимание — это хорошо. Можно ругать не обихевиоризм, например, но там есть прекрасные эксперименты с точки зрения научного дизайна, и многие вещи мы можем взять у того же Б. Скиннера, — можно, чтобы научиться манипулировать людьми, а можно, чтобы заниматься самовоспитанием (те же принципы оперантного обусловливания). Или, например, я обожаю Дарвина. Это тот человек, благодаря которому я влюбилась в научную рациональность. Дарвина считают антихристом, но если его хотя бы немножечко знать, оказывается, что он большой христианин, чем все вокруг него: и по доброте, и по непринятию различных форм ксенофобии, и по непринятию рабства, гендерного неравенства, с точки зрения милосердия к животным. Это абсолютная честность и стремление узнать, как

оно на самом деле. Абсолютная честность, когда он пишет, что «опровержение моего мнения вы найдете в таких-то статьях». Я понимаю, что у нас засилие позитивизма и какие-то структурные условия. Нужны исследователи, которые, с одной стороны, глубоко понимают качественную методологию, а с другой — хорошо разбираются в методологии количественной.

С гуманитарными науками у нас большая проблема. Они, несомненно, нужны. Но, возможно, мировые тенденции, ориентированные на капитализм, — быстрее-быстрее-быстрее, эффективнее-эффективнее-эффективнее — это тот кластер, который появляется у нас сейчас. На самом деле, это очень живое место, где есть энергия, есть деньги и что-то хорошее, и это прекрасно. Но тем, кто пишет «коды» (представителям IT-сферы) не нужна гуманитарная наука. Эти компетенции нужны, скорее, стратегам, тем, кто занимается инновациями стратегически. Поэтому у меня большой скепсис по поводу гуманитарного знания.

Т. И. Синица.

Я и соглашусь, и не соглашусь одновременно. Я абсолютно соглашусь с тем, что нормальные эксперименты с четким, понятным дизайном очень нужны, более того, у нас их практически не проводят. И в этом плане у Б. Скиннера, действительно, есть чему поучиться. Об этом я и говорю: если мы, например, обращаемся к М. М. Бахтину или к другим авторам такой глубины размышлений, то возникает вопрос: зачем мы это делаем? Не является ли это «замыливанием» того, что у нас нет этой простой четкости, как в бихевиоризме? Мы сразу будем понимать глубину, мы выше простой схемы «стимул-реакция» и т. д. Хотя на самом деле мы не можем поверхност-

но делать очень четкие и важные вещи. Например, в работе с детьми с особенностями применить четкую и простую систему выстраивания поведенческих привычек. И выстраивание поведения по той схеме, которую предлагает Б. Скиннер, это очень важная вещь. Интересно, что при этом не исключаются те важные смысловые вещи, на которые указывает гуманитарное знание, и та глубина, которую задавал М. М. Бахтин. Я точно знаю, что даже у людей, работающих в IT-сфере, есть запрос на гуманитарные вещи, смыслы, понимания. Их работа не сводится к тому, чтобы просто нажимать на кнопки и получать какой-то код. Таким образом, я согласна, что недоделано очень много ясного, спокойного, прозрачного из объяснительной парадигмы, а мы пытаемся многое отрицать из нее. С другой стороны, я не согласна с тем, что нет запроса на гуманитарное знание, на глубинное понимание, что оно, это знание, кому-то мешает.

А. Лозовский.

Я еще раз хотел бы вспомнить необихевиоризм. Я очень люблю этот метод. Суть заключается в том, что, когда необходимо объяснить некий феномен с максимально простых, экономичных и при этом правдоподобных позиций, когнитивно-бихевиоральный подход уместен больше всего. Тем не менее, у него есть ряд ограничений, которые невозможно преодолеть в рамках необихевиористской парадигмы. Имеется в виду, что методы Б. Скиннера отлично работают на животных и маленьких детях, потому что у них нет критичности. Как только ребенок входит в подростковый возраст, он становится критичным, и методы Б. Скиннера начинают работать тем хуже, чем старше он становится. Если вы попытаете применить методы Б. Скиннера в их привычном виде в современной школе, то обнаружите, что

они перестают хорошо работать, как только ребенок попадает в 5-й класс. Потому что его поведение после этого становится совершенно непредсказуемым. Вы можете попробовать изучить этого ребенка, чтобы знать его паттерн поведения, привычные когнитивные схемы, но, к сожалению, чем старше, самостоятельнее и независимее, включеннее в культурную среду он становится, тем сложнее понять и предсказать его поведение и, не зная саму культурную среду, — те идеи, которые на него влияют. Исключительно когнитивно-бихевиоральному подходу решить эту задачу не удастся, поэтому приходится прибегать к методу дискурс-анализа, философии...

Т. Е. Черчес.

Я дитя БГУ, я училась в то время, когда филология была. И когда там был Карпов и другие, которые в 80-е годы приучили нас к Лотману с его смысловой парадигмой, которые направляли нас к уже давно забытому, но, на мой взгляд, достаточно интересному философу, ученому, церковному деятелю О. Розеншток-Хюсси (и его работе «Речь и действительность»).

Тексты М. М. Бахтина предлагают нам раскрыться. Обратите внимание: все вспоминают о том, откуда они пришли, — из философии, из филологии... но, в любом случае, — это степень инициации личностных смыслов. Уже только поэтому М. М. Бахтин является неоценимой личностью, вне зависимости от сферы деятельности, будь то филология, психология, философия. Поэтому, на мой взгляд, у нас состоялся внутренний диалог, то, о чем говорил Г. М. Кучинский. У каждого из нас своя система представлений, в которой он работает. И на несколько лет нам хватило бы темы для разговора об этом. Но, по крайней мере, внутренний

диалог, мне кажется, состоялся. Даже молодые люди, которые здесь присутствуют, подумали о том, что не со всем они согласны. Поэтому огромная благодарность вам, Леонид Абрамович, за возможность внутреннего диалога.

Л. А. Пергаменщик.

В чем неполнота нашего семинара? Да и можно ли было надеяться на полноту? М. М. Бахтин настолько разнообразен, что каждый из тезисов, которые здесь были предложены для обсуждения, требует отдельного семинара.

Потому что М. М. Бахтин позволяет говорить, опираясь на какую-то отдельно взятую строчку. Психолог должен смотреть, что делалось, делается рядом. М. М. Бахтин цитирует Пастернака, его «Охранную грамоту», и есть исследования о точных совпадениях взглядов М. М. Бахтина и Б. Пастернака, о близости Бахтина и Выготского. Блестящая книга В. П. Зинченко, одна из лучших за последние годы работа по психологии «Трубка Мамардашвили и посох Мандельштама».

Т. И. Краснова.

Для меня наш сегодняшний семинар — это повод для самообразования. Поэтому я хотела бы предложить для обсуждения вопрос, который связан с тезисом из обсуждаемого нами текста: «Если представить человека не как вещь, а как субъекта, то его познание должно быть диалогическим». В этом контексте для психологов есть некая умозрительность, а указание на метод изучения человека, то, как нам им пользоваться.

Л. А. Пергаменщик.

Когда-то Г. М. Кучинский на одном из семинаров, куда мы пригласили его, чтобы обсудить феноменологию, гово-

рил много и хорошо. На семинаре присутствовал А. А. Полонников. Он произнес: «Вы очень хорошо говорите, но...» — и задал тот же вопрос, который сейчас задала Татьяна Ивановна: «...как изучать человека из позиции диалога?»

Третья когнитивная революция Дж. Брунера «Жизнь как нарратив» обозначена 1985 годом. Это направление дает инструментарий для того, о чем вы говорите: смотреть на диалог, встроенный в инструментарий. Сегодня аспирант БГУ Лозовский говорил о дискурсе, я могу добавить нарратив, феноменологический анализ.

С. Н. Жеребцов.

Мой ответ на ваш вопрос, Татьяна Ивановна, — изучить диалог можно, анализируя свои интерпретации по поводу того, что ты видишь. Вот и все. Мы ждем от диалога примерно того, что мы ждем от теста или от эксперимента. Но от диалога этого нельзя ждать. И если мы хотим смотреть на человека глазами позитивистских методов, то увидим, что эти методы извлекают. Как сказал Г. И. Гурджиев: «Современному человеку не нужна психология, ему достаточно новой механики». Действительно, для нас позитивизм — лучшая реальность познания жизни на земле. Как только появляются какие-то иные смысловые реальности, то, что мы сами определяем своей жизнью, — здесь как раз и возникает понимание, что только с помощью диалога можно это обнаружить. И мы сами разные. Нет такой личности, которая «раз и навсегда». Я с утра могу быть участником эксперимента — и полученные данные будут правдой обо мне. Может быть, сейчас на этом семинаре, кроме диалога, меня как человека трудно понять. Есть просто личность, по М. М. Бахтину, незаданная, незавершенная, во вневходимости... Я тоже хочу репликой откликнуться на слова

Ольги Феликсовны: в объяснительной психологии основным инструментом является понятие, а понимающая психология в корне своего названия тоже содержит понятие. И мне кажется, что здесь есть общность. И в позитивистской психологии, и в так называемой гуманитарной есть основное средство размышления о человеке — это понятие. И позитивисты, и гуманитарии формулируют свои выводы на основе понятий. Если есть **понимание**, значит, правду о человеке или фрагмент этой правды ты принес в психологию. Ну и еще в качестве интерпретации: «В точке контакта вспыхивает свет». Свет — это шикарная метафора, шикарно само философское понятие света. Это и тепло одновременно — та гуманитарность, о которой говорили, — человеческое тепло, неотчужденное тепло, и свет как ясность, как знание. Свет вспыхивает в точке контакта.

А. В. Музыкаченко.

Я задумалась: если соотносить методы с типами рациональности познания, то «Репертуарные решетки» Дж. Келли, относящиеся классически к диалогическому методу, все-таки ближе к неклассической рациональности либо к постнеклассической? Мы там создаем всего лишь систему представлений, конструкторов человека, и мы понимаем, что нет такого строгого деления методов. В то же время к какому типу будет относиться построение семантических сетей?

В. И. Слепкова.

Несколько слов в продолжение сказанного Сергеем Никифоровичем. Там, где М. М. Бахтин рассуждает о смысле, задает вопрос о том, в какой мере можно раскрыть и прокомментировать смысл, и при этом отвечает: «растворить его в понятиях невозможно, потому что происходит рационализация

смысла». Мы все говорили о том, что рано или поздно приходим к понятиям. Но дальше он обращает внимание на то, что это лишь один из путей познания. Другой путь — углубление его с помощью иных смыслов. Получается, что здесь все время есть какие-то пределы. Если мы познаем с помощью каких-либо характеристик, мы доходим до предела познания человека, но все равно приходим к выводу: человека познать невозможно. Психология не может познать человека, потому что есть некий предел. Возникает вопрос: как познать человека? Если мы говорим про гуманитарные науки — это науки о духе, а психология — наука о душе. Вывод, который из всего этого я сделала, — исследователь в психологии ограничен в познании.

Вернемся в действительность нашего преподавания и защиты наших диссертаций. Очень бы хотелось, чтобы, наконец, возник диалог, а не отрицание одной парадигмы как ненаучной, как говорил С. Аверинцев, «другая научность», «инаучность». То есть там, где есть смысл, содержание, субъект, там своя правда, только она инаучная — значит, должны существовать другие категории и критерии оценки. А мы сейчас существуем в рамках позитивистской парадигмы. Как пишутся курсовые, дипломы, магистерские и кандидатские? Они пишутся в рамках позитивистской психологии. Есть только отдельные попытки в нескольких пионерских работах. Я за признание научности нарративного анализа, что очень важно для молодых психологов, когда через смыслы и переживания, а не только через знания и отношения субъект приходит к своей духовности. Это важно учитывать.

Т. И. Краснова.

Мне бы хотелось сказать несколько слов, которые будут адресованы присутствующим в аудитории студентам.

Мы сегодня обсуждаем серьезную и важную проблему, касающуюся методологии психологии, которая, возможно, скучновата для вас. Наверное, у большинства студентов в процессе обучения может возникнуть ощущение, что в психологии человек какой-то неживой. Периодически такое ощущение возникает? (*Возгласы студентов: «Нет!»*). Тогда надо разбираться, почему не возникает. И так, если возникает ощущение, что человек в психологии живой, или наоборот, что он неживой, или это ощущение временами меняется, то это как раз та интенция, которая может сподвигнуть на размышления над методологическими вопросами психологии. Во время моей учебы с такого рода сомнениями, мучениями, вопросами, застывшими меня на третьем курсе факультета психологии, мне помогла справиться книга Андрея Пузыря «Культурно-историческая теория Л. С. Выготского и современная психология». И ответ в ней был примерно такой: психология и не должна изучать живого человека, потому что она строится по естественно-научному образцу и, соответственно, изучает «препарированного» человека, более того, именно так она может себя постулировать как наука. Поскольку для меня сегодняшний семинар — это повод для самообразования, я решила посмотреть, жива ли тема методологии психологии для психологического сообщества, российского прежде всего. Оказывается, жива, и можно выделить несколько линий обсуждения проблемы соотношения гуманитарного и естественно-научного знания в психологии. Некоторые эксперты по-прежнему говорят об интеграции методологии, о том, что «лоскутное одеяло» в психологии — это безобразие и анархия, нужна какая-то объединяющая всех психологов в единую корпорацию идея — такая вот утопическая мечта. И, тем не менее,

есть вторая линия, которая идет от Ф. Е. Василюка, настаивающая на схизисе двух параллельных психологий — практической и академической. Фиксируется при этом, что практическая движется по постмодернистскому пути, а академическая — по позитивистскому. И более того, в практической психологии начинает доминировать, черпая оценки и интерпретации в диалоге, житейский смысл, повседневность. С этим можно спорить, но эти две линии продолжают существовать. Я не буду глубоко погружаться в эту тему, но мне кажется, что сегодняшний семинар, при условии, если он сможет стать мотиватором (а для этого необходимо поддерживать тот самый диалог), должен продолжаться. А работы М. М. Бахтина — это повод и интеллектуальное средство для углубления серьезного разговора о методологических проблемах в психологии.

Л. А. Пергаменщик.

Да, линия разделения психологии на академическую и практическую (Эткинд, Василюк, Кудрявцев) есть. Они различаются по методам анализа, по текстам презентации (понятие или метафора) и т. д.

Есть и другая линия различия по методологии: количественная и качественная. Эта линия проходит по предмету исследования. Невозможно просчитать цифрами смыслы, переживания, что вынуждает обратиться, например, к исследовательскому интервью Квале или лукавить, что изучаешь смыслы человеческого бытия. Человек — это выбор (по Сартру), но и исследователь этого выбора, человек, поступающий так, как писал Бахтин и так же независимо от него говорил М. Мамардашвили в описанном им принципе Кафки (проблеме утраты человеческого в человеке).

Будем завершать наш семинар. Спасибо большое всем!